ZVLÁŠTNÍ OTISK.

SLAVIA

Časopis pro slovanskou filologii

S podporou ministerstva školství a národní osvěty

vydávají

O. HUJER a M. MURKO

Ročník IV. Sešit 2.

Tiskem a nákladem České grafické Unie a. s. v Praze

1925.

Lipsiae: Alfred Lorentz, bibliopola.

OBSAH.

Články: Strana

Н. Баиъ Вейкъ: О происхожденіи общеславянскаго слова *княязь* . . 209—212
Witold Taszycki: Przyrostek *-isko, -iště* w językach zachodnio-słowiańskich 213—227
Кн. Н. С. Трубецкой: Отраженія общеславянскаго **o* въ полабскомъ языкѣ 228—237
G. Čremošnik: Kratice »Nomina sacra« u ckvsl. spomenicima (Nastavice se) 238—264
Karel Kaul: Vuk Stef Karadžić a Poláci . . . . . 265—278
Е Б. Аничковъ: Замѣтки по ркк и творчеству Лермонтова (Продолженіе) 279—293
V. Tille: Kubínovy pohádky (Dokončení) . . . . . 294—313
Г. Ильинскій: Кто были *Λεοξαντίοι* Константина Багрянороднаго? . 314—319
Ив. Д. Шишмановъ М. П Драгоманів та ідея „славянського братства“ . 320—321
М. Драгомановъ По случаю школьнаго праздника 11 мая. . . 321—324

Kritiky a referáty:

Des rapports linguistiques slavo-roumains III. Проф. Б. Цоневъ: Езиковни взаимности между Българи и Ромъни. (P. Skok) . . . . . 325—346
Max Vasmer: Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch (Николай Дурново) 347—349
Новый сборникъ по діалектологіи и фолклору Македоніи (А. Селищевъ) 350—364
Prof. Dr. Miloš Weingart: Byzantské kroniky v literatuře církevněslovanské. Část II Oddíl 1. (Владимиръ Розовъ) . . . . . 364—370
Historja literatury polskiej. Serja druga: 1922—1924. Część pierwsza. (Jan. Chrzanowski) . . . . . 370—382
Vlad. A. Parchomenko. У истоков русской государственности (F. Niederle) . 382—383
П. В Безобразов: Очерки византійской культуры (Ю. Иванов) . . . 383—386

Diskusse:

Г. Ильинский: Еще раз о праславянских дублетах типа *jelenь olenь* . . 387—394

Nekrolog:

† Проф. Ал-др Ив. Яцимирскій (Н Дурново) . . . . . 395—396

Zprávy:

Библиографическій обзор работ об А Н Островском с 1914—1923 г. (П. Богатырев) . . . . . 397—411
Slovanský Přehled 1914—1921 (jpa) 411
Volkskundliche Bibliographie fur das Jahr 1920 (jpa) . . . . . 411—416
Istarske narodne pjesme (jpa) 416
Борис Соколов (jpa) 416
Arnošt Kraus, Husitství v literatuře zejména německé (A. N.) . . . . 416—417
Kritické vydávání novočeských spisovatelů (A. N.) . . . . . 417—418
Oskar Donath: Židé a židovství v české literatuře (A. N.) . . . . 418—419
O školství a osvětě v Bulharsku v letech 1878—1913 (Jos. Páta) . . . 419
Philologica v Lozaničově sborníku (B. Havránek) . . . . . 419—420
Павле Поповић, Преглед српске књижевности (BHk) 420
Nikola Radojčić o Jos Konst. Jirečkovi (B. Havránek) . . . . . 420—421
Srbský překlad základních prací Jos Konst. Jirečka (BHk.) . . . . . 421—422
Albert Pražák, Hurbanovia vo vazeniach (J. Mk) 422

Výtahy z časopisů:

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XX, кн 3—4, 1915—1916 г., XXI, кн. 1—2, 1916 г 429—430
Sborník Matice Slovenskej pre jazykozpyt. národopis a literárnu históriu II 1924 431—432

„SLAVIA“

vychází čtyřikrát za rok tak, že ročník (počínaje IV.) má **55 tiskových archů.**

Předplatné na jeden ročník s poštovným Kč **100**·—

Rukopisy obsahu linguistického se posílají na adresu: prof. **O. Hujer** (Praha-Kr. Vinohrady, Lužická 21). ostatní na adresu. prof. **M. Murko** (Praha-Bubeneč 531 aneb Praha-V., Břehová 5). Pp. spolupracovníci se prosí, aby příspěvky byly psány čitelně (možno-li, strojem) a jen po jedné straně papíru.

Předplatné, objednávky a reklamace přijímá **Česká grafická Unie a. s. v Praze-II.,** Svobodova 1961. Účet poštovního úřadu šekového 49.877.

Recensní výtisky a časopisy zasílané redakci výměnou adresovány budtež: **Redakce časopisu „Slavia“, Praha-V., Břehová 5.**

Новый сборникъ по діалектологіи и фолклору Македоніи.

Лѣтомъ 1914 г. отправился въ научную командировку въ Болгарію André Mazon. Цѣлью командировки было изученіе болгарскаго языка. Намѣченная программа этого изученія была цѣльная и широкая. Она охватывала прошлое и современное состояніе этого языка. [1]) Начавшаяся война не позволила изслѣдователю осуществить намѣченную программу изученій. Но тѣмъ не менѣе и inter arma онъ изыскалъ возможность сдѣлать солидный вкладъ въ науку славянской филологіи, — дать діалектологическое описаніе малодоступной мѣстности въ южной Македоніи и записать тамъ нѣсколько десятковъ образцовъ словесныхъ произведеній тамошнихъ славянъ. Именно, во время пребыванія въ южной Македоніи въ 1916—1917 и въ 1920 г. André Mazon, кромѣ выполненія оффиціальныхъ обязанностей, удѣлилъ время и силы на то, чтобы побывать въ рядѣ пунктовъ этой мѣстности и собрать діалектологическій и фолклорный матеріалъ. Въ результатѣ появилась книга, изданная французскимъ Институтомъ славянскихъ изученій: „Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale. Étude linguistique; textes et traduction; notes de folklore. Par André Mazon, Professeur à la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg. (Travaux publiés par l'Institut d'études slaves. I). Paris. 1923. — Въ предисловіи (1—3) указаны тѣ пункты, къ которымъ относится собранный матеріалъ. Это — городъ Леринъ и села въ Леринской и Костурской областяхъ: Го́рно Невóлани, Екши́су, Мóкрени, Вйшени, Жéрвени, Смрдешъ. Въ введеніи (Introduction, 4—12) даны важныя географическія и отчасти историко-этнографическія свѣдѣнія о вышеназванныхъ пунктахъ съ присоединеніемъ еще одного — села Áрменско (около Лерина) и приложена карта описываемаго района. По разнымъ затронутымъ здѣсь вопросамъ указана соотвѣтствующая литература. Дополнимъ эти ссылки указаніемъ на большую карту южной Македоніи, составленную г. Йорданомъ Ивановымъ: „Carte ethnographique de la Macédoine du sud. Représentant la répartition ethnique à la veille de la guerre des Balkans. 1912. (Echelle 1:200.000)". „Notes explicatives"... (Sophia, 1913).

Стр. 13—59 занимаетъ Étude linguistique. Здѣсь представленъ описательный очеркъ современнаго состоянія говоровъ вышеназванныхъ пунктовъ. На стр. 60—149 помѣщены Textes et traduction. Тексты и переводъ снабжены лингвистическими и филологическими примѣчаніями. Дальнѣйшая часть заключаетъ въ себѣ Notes de folklore (150—222). На стр. 223—224 даны Indications bibliographiques. Стр. 225—232 заключаютъ въ себѣ Index и Table analytique.

Мы знаемъ, съ какими трудностями сопряжено добываньe діалектологическаго матеріала, относящагося къ Македоніи. Намъ хорошо извѣстно, какъ скуденъ матеріалъ тѣхъ македонскихъ „умотвореній", который разсѣянъ въ разныхъ болгарскихъ и сербскихъ изданіяхъ, сколько сомнѣній и тяжелыхъ раздумій вызываетъ онъ у лингвиста. Книга же госп. А. Мазона заключаетъ въ себѣ богатыя и достовѣрныя данныя,

[1]) Объ этой программѣ см. въ замѣткѣ „Научная экспедиція въ Болгарію" (Славянскія Извѣстія, 1914 г., № 11—12. СПб.)

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
765
54

съ которыми спокойно можно будетъ оперировать въ лингвистическихъ изысканіяхъ. Мы горячо привѣтствуемъ появленіе этого сборника и душевно благодаримъ его автора. Въ своей статьѣ мы сдѣлаемъ нѣкоторыя замѣчанія критическія, а больше дополнительныя, въ связи съ данными другихъ македонскихъ говоровъ. Часть фолклорную мы оставляемъ въ сторонѣ.

Прежде всего остановлюсь на судьбѣ редуцированныхъ гласныхъ. Въ сильномъ положеніи *ъ* *о, ь* *е*, — процессъ, общій всѣмъ говорамъ Македоніи и юго-западной Болгаріи. Необходимо выдѣлить особо сочетанія съ *ъ* или съ его позднѣйшимъ замѣнителемъ *а* въ началѣ слова послѣ *l, m*: *lъ-*, *mъ-* (lъža, mъgla вм. *mьgla). Ни въ какой связи съ носовымъ *ǫ* сочетанія *lъ-*, *mъ-* не находятся. Наличность *ъ* обусловлена была здѣсь положеніемъ сонорныхъ *l, m* въ началѣ слова передъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія. Подробнѣе о начальныхъ *lъ-*, *rъ-*, *mь-* \ *mъ-* говорится въ моихъ „Очеркахъ по македонской діалектологіи", I, 51—55.

Не совсѣмъ точно объяснены сочетанія для несмк. sum, s"m, som. Гласный *и* или *о* въ этихъ сочетаніяхъ совсѣмъ нельзя отожествлять съ обычной замѣной *ъ* въ сильномъ положеніи *(сон)*. Въ сочетаніяхъ sum, som гласный *и, ", о* обязанъ одному и тому же процессу, — лабіализующему воздѣйствію конечнаго *m* на вторичный гласный, развившійся послѣ согласнаго передъ конечнымъ *m*, — развившійся послѣ утраты конечныхъ *ъ, ь* и послѣ *ъ* *о, ь* *е* въ сильномъ положеніи. О качественной и количественной сторонѣ этого вторичнаго гласнаго сравните въ моихъ „Очеркахъ" I, 59—60. Не слѣдуетъ также подчеркивать значеніе ударенія (акцента) въ появленіи *и* или *о* въ sum, som: ударяемость тутъ не имѣла значенія. Наоборотъ, эти и имъ подобныя сочетанія (sédum, ósum...) находятся обычно въ безударномъ положеніи. Тенденція воздѣйствія артикуляціи конечнаго *m* на образованіе предшествующаго ему гласнаго *ъ*, становившагося лабіализованнымъ и переходившаго въ *о* и *и*, является общей для всѣхъ говоровъ Македоніи. Конечный результатъ въ видѣ *и* является общераспространеннымъ въ Македоніи. Лишь на юго-востокѣ и востокѣ въ глагольной формѣ *sъm* сочетаніе *-ъm* появилось въ связи съ общимъ тамъ (позднимъ) окончаніемъ формы наст. вр. ед. *-ъ + m*: nósъm, móžъm, jádъm, sъm (Воденская и Солунская области).

ǫ, ę. Указаны замѣны гласнаго *ǫ*: — *ъ* и *а*; *ъ* „въ ударенномъ слогѣ", *а* „въ конечномъ неударенномъ слогѣ" (15): dъp, gъ́ka, pręda, prędat. Лучше бы было опредѣлить такъ, что *а* находится въ окончаніи (не только въ конечномъ слогѣ, но и не въ конечномъ): sednala, viknáia - viknáie... По представленнымъ доводамъ (Очерки I, 46—47) мы не можемъ раздѣлять то мнѣніе, по которому гласный *ǫ* измѣнился въ окончаніи въ *а*, не проходя стадіи *ъ*, а въ корнѣ *ǫ* *ъ*. Гласный *а* въ этихъ окончаніяхъ представляетъ собою элементъ формальный, и въ говорахъ, имѣющихъ *ъ, о* \ *ъ* вм. *ǫ* (gъ́ka на югѣ, goka — въ Дебрѣ), появленіе его обязано не фонетическому процессу измѣненія *ǫ* здѣсь, а воздѣйствію другихъ діалектовъ, измѣнившихъ *ъ* всякаго происхожденія въ *а* (raka, sednala...). Въ Дебрѣ

еще въ 70-хъ гг. прошлаго вѣка употреблялись, хотя и рѣдко, формы съ суф. *no* < *nъ* *nǫ*: padno, povenołe, legnaf Проникъ суф. *-na-* и на сѣверъ, въ области, близкія къ Македоніи, — въ Враню-Луково, гдѣ *ǫ* > *u*: ruka, но – sednala и т. п. Хотя и не такъ далеко на сѣверъ, но все же за предѣлы *ъ* > *a* говоровъ распространилось окончаніе глагольной формы наст. 3. мн. *-at* (въ Дольнемъ Пологѣ, въ Скопьѣ и даже сѣвернѣе).

Въ описанныхъ А Мазономъ говорахъ употребляются въ отдѣльныхъ случаяхъ сочетанія не съ *ъ* вм. коренного *ǫ* и не съ *e* вм. *ę*, а съ назалированнымъ гласнымъ + *n* или *m* Важно указаніе А. Мазона на слѣдующее явленіе, до сихъ поръ не отмѣченное: назализація гласнаго передъ *n*, *m* Кромѣ того, онъ отмѣтилъ, что такая замѣна носовыхъ гласныхъ встрѣчается не передъ всякимъ согласнымъ, а только передъ *b*, *d*, *k*: dlъmbóka, mъ́ndro, govéndo, krъ́nk и др. (Употребляемъ въ данныхъ случаяхъ *ъ* вм. знака *æ*). Вѣроятно, раньше и передъ другими взрывными согласными произносились сочетанія — гл. + *n*, *m*-. Если это состояніе въ отношеніи судьбы носовыхъ гласныхъ (— гл. + *n*, *m*- передъ взрывнымъ согл., -гл.- передъ фрикативнымъ согл.) отражаетъ давнее состояніе, то приходится полагать между прочимъ слѣдующее въ происхожденіи процесса измѣненія носовыхъ гласныхъ въ этихъ говорахъ При образованіи носового гласнаго небная занавѣска была открыта только въ моментъ произношенія гласнаго, находившагося передъ фрикативнымъ согласнымъ *s*, *z*, *š*, *ž*, *ch* Съ ослабленіемъ энергіи въ опусканіи небной занавѣски сталъ произноситься гласный слабоназалированный *ъ* или *e*, а затѣмъ небная занавѣска совсѣмъ перестала опускаться *ъ* > *ъ*, *ę* > *e*. Передъ взрывнымъ согласнымъ *g*, *k*, *d*, *t* *b*, *p* небная занавѣска оставалась опущенной и послѣ момента произношенія гласнаго, а затѣмъ совсѣмъ отстала отъ артикуляціи гласнаго *ъ* или *e*: стали произноситься сочетанія — гл. [*ъ*, *e*] + *n*, *m* — Въ такомъ же направленіи пережито было измѣненіе въ носовыхъ гласныхъ по отношенію къ небной занавѣскѣ и по говорамъ польскаго языка.[1]) Слова, въ которыхъ имѣются группы — гл. + *n*, *m*- вмѣсто прежнихъ носовыхъ гласныхъ въ корнѣ, немногочисленны. Вотъ всѣ эти слова, отмѣченныя г. А. Мазономъ, — krъnk, mъndr-, mъ́nd- (mъ́ndi), sъnd- (sъ́ndo, sъndelíšče...), dlъmbók-a (glъmbók-a), dъmp, galъ́mbi (galómbi), sъmbota, trъ́mba, zъmp; grenda, govéndo, naréndvam, prénda, glend-am, čendo, péndeset, devéndeset. Болѣе раннія указанія, относящіяся къ говорамъ Костурской области, представляютъ сочетанія — гл. + *n*, *m*- въ бо́льшемъ количествѣ случаевъ. Такъ, мы располагаемъ данными, относящимися къ говору одного изъ костурскихъ селъ, описанныхъ А. Мазономъ, — с. Смрдешъ. Въ концѣ 80-хъ гг. въ этомъ селѣ говорили и другія слова съ -гл. + *n*, *m*-, кромѣ тѣхъ, которыя указаны А Мазономъ для этого пункта Именно: пънда, рьмб;

[1] Jan Rozwadowski, Szkic wymowy (fonetyki) polskiej (Materyały i prace kom. jęz I); T Benni, Opis fonetyczny języka polskiego (Język polski i jego historya, I, 257); K. Nitsch, Djalekty języka polskiego (тамъ же, II, 267—269); С. М. Кульбакинъ, Къ исторіи и діалектологіи польскаго языка (Сборникъ Отд рус яз. и слов. Ак Н т. 73, стр. 33—45).

поръмбено, енгар, лендина, пенда, ремпам, ярембица, ренда (Книжици за прочитъ, I, Солунъ 1889, 21—25). Ср. также ниже въ приложеніи: „Нарѣждание на една майка". Весьма вѣроятно, что отсутствіе тѣхъ или иныхъ словъ съ -гл. + *n*, *m*- въ матеріалахъ, собранныхъ А. Мазономъ, не является случайностью: эти слова съ -гл. + *n*, *m*- вытѣснены подъ вліяніемъ другихъ говоровъ словами съ -ъ-.

r̥, *l̥* Интересныя данныя, относящіяся къ *l̥* и его замѣнамъ въ описываемыхъ говорахъ, представлены А. Мазономъ. Эти данныя еще разъ иллюстрируютъ діалектическую пестроту Македоніи. Почти каждый изъ описанныхъ пунктовъ въ своихъ измѣненіяхъ *l̥* пришелъ къ результатомъ, отличнымъ отъ говоровъ другихъ недалекихъ пунктовъ. Несомѣнно, всѣмъ говорамъ Македоніи былъ извѣстенъ плавный слоговой *ł̥*, болѣе твердый (велярный) въ своемъ образованіи между согласными по сравненію съ *ł* въ другихъ положеніяхъ. Такого образованія *ł̥* имѣютъ до сихъ поръ нѣкоторые говоры Македоніи. Такой *ł̥* или близкій къ нему имѣется въ говорахъ юго-западныхъ пунктовъ, описанныхъ А. Мазономъ, — въ Жервени и Смрдешъ. Такой *ł̥* представленъ и въ другихъ мѣстахъ Македоніи (Дебръ, Мала Рѣка). Другая черта образованія *ł̥* — особая близость къ образованію гласнаго. Вслѣдствіе этой близости развился передъ плавнымъ гласный элементъ, слабый или затѣмъ болѣе или менѣе полный. Это общее явленіе для всѣхъ говоровъ Македоніи.

Направленія въ измѣненіи *ł̥*, пережитыя въ говорахъ Леринско-Костурской области, были таковы:

1) *ł̥* ъ. Ходъ измѣненія, въ результатѣ котораго получился этотъ гласный, мы представляемъ себѣ такимъ образомъ. При слабомъ гласномъ приступѣ *ł* вокализовалось и, уподобившись по качеству предшествующему гласному ъ, ассимилировалось съ нимъ въ одинъ гласный обычнаго образованія для этого звука. Такъ было въ говорѣ с. Неволани: dъ́go (dəgo), jabъ́ko, sъ́nce, sъ́za, žъt. Иногда еще присутствуетъ слабый элементъ плавнаго: jabъ́ˡko, vъˡk, žъˡto. Только въ группѣ *ł̥n* плавный не утраченъ: *ł̥n* > *l̥n* (vĺna, kĺna).

2) Предшествующій губной согласный могъ благопріятствовать развитію лабіализаціи въ образованіи гласнаго передъ *l*. Такъ было въ говорѣ Лерина: jabólka, poln, volk, volna. Въ другомъ положеніи — *ł̥* > *l̥*: dlgo, slza, žlto.

3) Развитіе гласнаго передъ плавнымъ: *ł̥* ᵒ*ł* или *oł*. Говоръ с. Жервени: mᵒłva, pᵒ́łno, sᵒłce, vołk. Въ другомъ юго-западномъ пунктѣ, въ с. Смрдешъ, тоже представленъ слабый гласный передъ *ł*, но гласный этотъ тамъ нелабіализованный (ᵃ); при этомъ велярность *ł* не такъ значительна въ Смрдешѣ, какъ въ Жервени: dᵃ́łgo, pᵃ́łno, sᵃ́łza, vᵃ́łk, žᵃ́łto.

4) Сохраняется во всѣхъ положеніяхъ *l̥* *ł̥*. Такъ на юго-востокѣ, въ Екшису, Мокрени и Вишени. Плавный *ł*, сохранялся ли онъ безъ гласнаго передъ нимъ или съ развившимся гласнымъ, измѣнялъ свое образованіе въ отношеніи уклада той части языка, которая находилась за затворомъ: эта часть языкового тѣла перестала сосредоточиваться въ задней части полости рта; она передвинулась нѣсколько впередъ: вм. *ł* сталъ произноситься плавный, близкій къ „среднему" *l* (*l̥*).

Такіе же результаты измѣненія *ĺ* представлены и другими говорами Македоніи. Обширный районъ въ западной Македоніи занимаютъ говоры съ *ol* вм. *ĺ*. Это въ областяхъ Рѣсена (*oų* < *ol*), Охрида, Битоли, Прилѣна, Скопья, Д. Полога (*oų*). То же по говорамъ дебрскимъ, кичевскимъ, маріовскимъ. Значительна и область *ĺ* > *ъ*. Это въ говорахъ Велеса, Штипа, Тиквеша, Малешова, Піянца и сѣверной части Маріова (въ прочихъ областяхъ Маріова *-ol*, какъ въ сосѣднихъ областяхъ прилѣпской и битольской). Въ сѣверо-восточной части за Вардаромъ, въ Штипѣ, тотъ гласный, который смѣнилъ собою образованіе *ĺ*, представленъ въ видѣ *ъ* и *и*. Условіе появленія *и* ясно: послѣ губного согласнаго. Срв. žьt, sъ́za, prokъ́ne, но vuk, búa. Та же двойственность въ замѣнѣ и въ сосѣдней области юго-западной Болгаріи.

Тенденція развитія гласнаго передъ *ŕ* отражается въ говорахъ Македоніи слабѣе, чѣмъ при *ĺ*.

Начальное *ъrъ-*. Въ отдѣлѣ о слоговыхъ плавныхъ между согласными разсматриваетъ А. Мазонъ и *ŕ* въ началѣ слова. Имъ сообщены слѣдующіе примѣры: *ъrš (ərš, ə'š, ᵃrš)* „и съ метатезой: *rəš* или *rъš*“ (19). Но ходъ процесса измѣненія начальныхъ **rъ-*, **rь-* въ говорахъ Македоніи не былъ тожественнымъ съ направленіемъ въ измѣненіи **tъrt*, **tьrt*, **trъt*, **trьt* Необходимо было бы сообщить примѣры, въ которыхъ za *rъ-* находился слогъ съ гласнымъ полнаго образованія. Именно въ этихъ случаяхъ по утратѣ слабыхъ редуцированныхъ гласныхъ развивался *ŕ* съ дальнѣйшими его измѣненіями. Въ текстѣ изъ Неволани встрѣтилось: grédi éden koiņ: *ъ́rži, ъ́rži* (82). Сочетанія, въ которыхъ *ŕ-* (*ъr*) развился фонетически, обобщились и вытѣснили сочетанія въ родственныхъ основахъ, въ которыхъ *r* было неслоговымъ, такъ какъ за нимъ слѣдовалъ нѣкогда *ъ* „сильный“ (**rъžь*). Въ одномъ сѣверо-западномъ пунктѣ мною отмѣчено было комбинаторное сочетаніе: *ъrъš* (с. Лешокъ, къ сѣв. отъ гор. Тетова). Въ большинствѣ македонскихъ говоровъ представлены сочетанія съ *ъr-*: ъrži, ъržanik, ъrš.

-trъ, -tlъ, -tlь Обозрѣвая судьбу сочетанія редуцированныхъ *ъ*, *ь* съ плавными, необходимо отмѣтить и результаты измѣненій, пережитыхъ конечными *-rъ*, *-lъ*, *-lь* послѣ согласнаго: dobrъ, větrъ, reklь. Къ сожалѣнію, въ обзорѣ А. Мазона этотъ пунктъ не затронутъ. Не много примѣровъ мы найдемъ и въ записанныхъ текстахъ. Вотъ они: dóbər (64; ср. также 23), véter (82), но на стр. 26 (въ „Лингв. этюдѣ“) vetər; rékl (118). Передачу послѣдняго примѣра мы оставляемъ подъ вопросомъ.

Недавно г. Йорданъ Ивановъ сообщилъ въ „Revue des études slaves“, T. II, f. 1—2 („Un parler bulgare archaïque“) чрезвычайно интересное явленіе въ говорѣ двухъ селъ Висока и Сухо въ области „Богданско“ (къ востоку отъ Солуня). Именно, тамъ въ концѣ слова послѣ двухъ согласныхъ произносится гласный *ъ*. Такое явленіе представлено въ формѣ муж. ед. прилагательныхъ, чаще при тѣсномъ сочетаніи ихъ съ существительнымъ. По сообщенію Й. Иванова, гласный *ъ* находится въ концѣ и въ формѣ прич. муж. ед. Но среди примѣровъ только одинъ относится къ причастію (рéклъ). Мы остаемся при

сомнѣніи: во всѣхъ ли случаяхъ причастная форма муж. ед. имѣетъ ъ послѣ двухъ конечныхъ согласныхъ? Въ большинствѣ сообщенныхъ примѣровъ конечному ъ предшествуетъ сонорный *р, л, н* рéклъ, сúлнъ, тáснъ, éндръ, пръ́мнъ — пръ́внъ, прáднъ, мъ́ндръ, чъ́рнъ, дрéбнъ, жéднъ. Находится ъ и послѣ другихъ согласныхъ: плúткъ г'ол, тéнкъ човáк, нúскъ човáк, слáткъ пекмéс, мъ́нтъ пекмéс, мъ́шкъ човáк, мéнкъ лáп, скъ́мпъ орúс. — Йорд. Ивановъ видитъ въ этомъ ъ остатокъ давняго, праславянскаго ъ Въ такихъ примѣрахъ, какъ мъ́ндръ, рéклъ . . . конечный ъ идетъ изстари, а въ такихъ какъ сúлнъ (вм. сълнъ), мъ́нтъ (мѫтънъ), конечный ъ явился позднѣе, послѣ утраты ь въ предшествующемъ слогѣ, — явился „по аналогіи“. Но объясненія уважаемаго Йорд. Иванова невозможно, разумѣется, принять. Конечный ъ во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ не восходитъ къ давнему конечному ъ, а явился позднѣе, послѣ утраты конечныхъ ъ, ь, — явился такимъ же путемъ, какъ и въ прочихъ болгарскихъ и другихъ славянскихъ группахъ. Появленіе гласнаго типа ъ вызвано было тѣмъ, что посредствомъ него устранялось слоговое свойство конечнаго согласнаго, находившагося за согласнымъ. Такое свойство, несомнѣнно, принадлежало въ теченіе нѣкотораго времени конечнымъ *р, л, м, н*: *-tr̥, -tl̥, -tm̥, -tn̥* Вторичный гласный ъ у славянъ произносился передъ *р, л, м, н* *-tr̥ -tъr* . . . Такъ въ болгарскихъ говорахъ, въ томъ числѣ въ ближайшемъ къ вышеназваннымъ, — въ говорѣ „богданскаго“ села Зарово: рéкъл, éндър . . .

Что касается такихъ сочетаній, какъ *слáткъ, тáснъ, тéнкъ, мъ́нтъ,* то они имѣли иной видъ послѣ утраты конечныхъ согласныхъ: *сладок, тасен, тенок, мѫтен.* Современное *скъ́мпъ* имѣло въ концѣ не два, а одинъ согласный (скѫп); позднее стало произноситься *скъмп.* Ясно, что гласный ъ въ этихъ и другихъ сочетаніяхъ явился еще позднѣе. Путь, какимъ появился ъ въ концѣ этихъ формъ, ясенъ. Обратимъ вниманіе на формы *силн-ъ, тасн-ъ, мънт-ъ.* Основы *силн-, тасн-, мънт-* (вм. *силек, тасен, мънтен*) появились вслѣдствіе обобщенія съ прочими основами жен. и ср. ед. и съ основами множ.: *силн-а, силн-и.* Съ такой основой стала употребляться и форма муж. ед.: *силн...* Въ томъ же направленіи происходило обобщеніе и въ основахъ прилагательныхъ, имѣвшихъ до того въ муж. ед. въ концѣ *-ър, -ъл*: добр-, ендр-. То же обобщеніе могло быть пережито и основами прич. *рекл-* въ муж. ед. Въ формахъ прилагательныхъ *добр, силн...* чутье послѣдняго слога съ *-р, -н* .. не утрачивалось. Какъ параллель, укажу, что въ такомъ же направленіи обобщались основы и по другимъ говорамъ. Такъ, въ говорѣ дебрскаго села Обоки В. Облакъ отмѣтилъ mъdr. То же явленіе отражается въ édn̥ (по анагогіи съ édn-a, édn-o . . .), *sm̥* по аналогіи *sm-e* (V. Oblak, Macedonische Studien, 23, 17, 16; Селищевъ, Очерки, 57). Говоры богданскихъ селъ Висока и Сухо не остановились на стадіи съ конечными слоговыми сонорными. Опять стала отражаться прежняя тенденція — освободить конечный согласный отъ слогового свойства и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить общность основы: появляется снова гласный ъ, но произносится онъ за сонорнымъ согласнымъ. По этимъ образцамъ стали произносить гласный ъ въ основахъ прилагат. муж. ед. и послѣ прочихъ

согласныхъ: ендръ, жеднъ, нискъ... На обобщеніе основъ, какъ на отправной пунктъ, указываетъ еще слѣдующій фактъ: форма *мънт-ъ*. Какъ видно, это прилагательное утратило въ концѣ *н* послѣ *т*: мънтн > мънт. Эта утрата обусловлена была тѣмъ, что *н* оказался конечнымъ согласнымъ и находился послѣ глухого *т* Это положеніе и обусловило утрату сонорности *н* и полное его исчезновеніе. Итакъ: *мѫтен-мънтен* по аналогіи съ прочими основами смѣнилось посредствомъ *мънтн; мънтн* > *мънт*, позднѣе за *-т* сталъ произноситься *ъ*: *мънтъ*.

*ѣ Важныя данныя представляютъ наблюденія А. Мазона надъ замѣнителемъ **ѣ* То, что перед *е* *ѣ* согласные (нѣкоторые) являются въ той или иной степени мягкими, было извѣстно и ранѣе. Но до сихъ поръ не было извѣстно, что гласные *е* вм. *ѣ* и *е* вм. **е* различны въ своемъ образованіи: первое (вм. **ѣ*) имѣетъ болѣе высокое образованіе, чемъ *е* вм. **е* „C'est un *e* fermé, au moins dans sa partie initiale (ę), que l'on entend dans: *déca, dédo, snek, pésna, béše, bégam, zvézda, dve, vérvam, sétne* (bulg. сѣтнѣ) etc.; le caractère fermé de cet *e* semble plus net en particulier après *r*: *réka, stréda, tréva, vréme*" (20).

Неударенные гласные. Гласный *е* въ неударенномъ слогѣ, по наблюденію А. Мазона, не измѣняетъ своего образованія (20). Что касается *о*, то „въ нѣкоторыхъ говорахъ онъ склоненъ къ закрытію въ *o̯* или даже въ *и*". Однако эта тенденція къ закрытію *о* въ *o̯* > *и* въ говорахъ Лерина и Костура отражается непослѣдовательно (manière toute sporadique, стр. 22). На основаніи болѣе раннихъ данныхъ я пришелъ къ слѣдующему положенію относительно неударенныхъ гласныхъ. Измѣненія неударенныхъ *а* по направленію къ *ъ*, *о* къ *и* *е* къ *і* представляютъ говоры юго-востока Македоніи, Водена — Кукуша. Говоры областей, подходящихъ къ Водену и Кукушу съ юга и сѣвера, также представляютъ результаты измѣненія неударенныхъ гласныхъ *е* къ *і*, *о* къ *и*. Это говоры областей Кайпяра, Лерина, Меглена, Гевгели, Дойрана, Солуни (Срв. мои Очерки, I, 88). Но данныя, относящіяся къ западнымъ предѣламъ указанныхъ областей Македоніи, именно къ леринскому району, не свидѣтельствуютъ о послѣдовательно проведенной манерѣ значительнаго измѣненія неударенныхъ *е*, *о* въ особенности перваго гласнаго. Можно было бы думать о неудовлетворительной передачѣ записывателемъ чертъ говора. Но свидѣтельство А. Мазона подтверждаетъ существованіе этой непослѣдовательности, какъ факта живого говора. Въ записяхъ изъ Леринскаго края лишь въ немногихъ случаяхъ представлено было *ı* вм. *е* Въ отношеніи передачи гласнаго вм. неударенаго *о* такъ же, какъ и въ записяхъ А Мазона, является *и* въ формѣ 1 л. ед. аориста: јас ви́ду, реку, се најáдуф (Зап. въ Сб. за народ. умотв. VIII, 160, 174, Шапкаревъ, Сборн. IX, 313. 321 и др.). Но вотъ въ чемъ расхожденія съ результатами наблюденій А. Мазона: въ болѣе раннихъ записяхъ больше случаевъ употребленія неударенаго *у* (въ значеніи *и* или *о*" и *о*): гулéмо, нéгу, гьáвул, по́-стáрицу брат, по́-мáлиіу брат, по́муш „помощь", ву е́дна (зап. въ Сборн. за народ. умотв. VIII). Примѣры сообщены по записи изъ села Церово. Для пониманія этого расхожденія примемъ во вниманіе, что Церово находится въ восточной части Леринской области. А далѣе къ вос-

току, къ бассейну Вардара идутъ говоры съ послѣдовательно (или болѣе послѣдовательно) проведеннымъ результатомъ измѣненія неударенныхъ *е, о* Такъ въ области Водена. См. описаніе этого говора въ Сборн. за народни умотвор., XVIII)[1].

Изъ состава согласныхъ звуковъ, полно для данной области охарактеризованнаго А. Мазономъ, мы остановимся на слѣдующихъ 3 пунктахъ.

1. Плавный *l* А. Мазонъ отмѣчаетъ для изученныхъ имъ говоровъ тенденцію „нейтрализаціи" *ɫ . ɫ ˃ l* (25). Но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ говоровъ *ɫ* до сихъ поръ держится. Степень велярности этого *ɫ* слабѣе по сравненію съ великорусскимъ *ɫ* (наблюденіе А. Мазона). Такое *ɫ* является замѣнителемъ плавнаго *l̥* между согласныхъ. Данныя македонскихъ говоровъ свидѣтелствуютъ съ несомнѣнностью, что раньше имъ всѣмъ былъ извѣстенъ въ этомъ положеніи, между согласными, велярный *ɫ* Положеніе передъ согласнымъ благопріятствовало веляризаціи или лабіо-веляризаціи *l* Слѣды ея обнаруживаются въ разныхъ славянскихъ группахъ. Ср. напр., судьбу *˜tьlt, *tolt, ˜telt* въ русской и поморской-полабской группахъ. **tьlt tъ̄lt* съ дальнѣйшими измѣненіями, *tolt ˃ toɫt* съ дальнѣйшими измѣненіями; *telt toɫt* съ дальнѣйшими измѣненіями: рус. *волк* (діалект. воўк), кашубское *vouk*, рус. *моло́т* , кашубское *młoc*.

Еще другое положеніе благопріятствовало веляризаціи или лабіо-веляризаціи. Это положеніе въ концѣ слова. Въ нѣкоторыхъ говорахъ Македоніи представлено въ такомъ положеніи *u̯* Такъ въ говорахъ Полога (въ сѣв.-западной Македоніи): stou̯, sókou̯, dóšou̯ (А. Селищевъ, „Замѣтки о говорахъ Тетовскаго округа", въ „Отчетѣ о занятіяхъ заграницею", Казань 1915, 16, Зап. Йорд Иванова въ журн. „Минало" I, вып 1, 74 примѣч.). Въ концѣ слова было извѣстно лабіо-велярное *ɫ* и нѣкоторымъ другимъ говорамъ, но при такомъ еще условіи: въ замѣнѣ *-*lъ̄* послѣ согласнаго: *-˜tlъ̄* (*l* к.-ниб. согласный). Очевидно, одна изъ стадій въ измѣненіи ** tlъ̄* была *-tl̥*, смѣнившаяся затѣмъ посредствомъ *-toɫ* Позднѣе *-toɫ -tol* Таковы говоры на западѣ, югѣ, центрѣ и сѣверѣ Македоніи: rekol, sekol, otnesol... Поучительно указаніе говоровъ Рѣсенскаго края: тамъ замѣнителемъ *tl̥t* является *tou̯t* žou̯t. Если же въ концѣ не произошло измѣненія *ɫ* въ *u̯*, то это обусловлено было тѣмъ, что *ɫ* въ *tl̥t* имѣлъ болѣе велярное образованіе, чемъ *ɫ* въ другихъ положеніяхъ и *ɫ* въ концѣ слова. Срав. сказанное выше о замѣнахъ *tl̥t* въ македонскихъ говорахъ.

Что касается судьбы *ɫ* передъ гласными, то дѣйствительно пережита и переживается тенденція замѣны его „среднимъ" *l* Но все же,

[1] Во II й книгѣ, св. 3—4 журн. „Јужнословенски филолог" помѣщено начало изслѣдованія Милоша Ивковића об ь ударени, „акцентѣ" въ македонскихъ говорахъ: „Акценатски системи српско-македонских говора". Онъ также указываетъ на измѣненіе неударенныхъ гласныхъ въ говорахъ юго-восточной Македоніи Но при примѣрахъ, сообщенныхъ имъ, не всегда указано, къ какимъ географическимъ пунктамъ относятся они Въ частности нѣтъ указаній ни на одинъ пунктъ Леринскаго края. Вѣроятно въ слѣдующихъ частяхъ изслѣдованія, въ которыхъ представленъ будетъ фактическій матеріалъ, будутъ опредѣленно указаны и географическ·е пункты

во многихъ говорахъ до послѣдняго времени *l* передъ гласными задняго ряда отличалось въ своемъ образованіи отъ „средняго“ *l*, — отличалось велярностью въ той или иной степени. О такомъ *l*, образуемомъ съ нѣкоторой отодвижкой взадъ языкового тѣла, находящагося за затворомъ, мы знаемъ по отношенію къ говорамъ на сѣрозападѣ (въ Пологѣ), въ центрѣ (въ Прилѣпѣ), на западѣ (въ Дебрѣ), на югѣ (въ Корчѣ).

l' ⟩ *l* А. Мазонъ отмѣчаетъ измѣненіе „мягкаго“ *l'* въ „среднее“ *l* передъ гласнымъ *e* pole. То же и въ другихъ областяхъ Македоніи. Кромѣ того онъ замѣтилъ въ рѣчи отдѣльныхъ лицъ *l* вм. *l'* передъ *u* (неудобно сказать „devant -*ju*-“, 25): klúkam, se nalúti. И такое явленіе свойственно многимъ говорамъ Македоніи. При этомъ, измѣненіе *l'* ⟩ *l* пережито (или переживается) не только передъ *u*, но и передъ *a* По даннымъ, бывшимъ въ моемъ распоряженіи, я отмѣтилъ, что *l'* ⟩ *l* въ слѣдующихъ случаяхъ: nedela, postela, košula, selanec, selanin, povela; lud'-''e (lug'e), lut-, lub-, blu- (bluen'e), plusk, (pluska v race; Прилѣпъ), kluč, klun „клювъ“. Кромѣ того, въ концѣ слова: kral, pri[i]atel. Такъ въ разныхъ говорахъ Македоніи. Но не всѣ эти сочетанія въ каждомъ говорѣ имѣютъ *l*: при *l* въ однихъ сочетаніяхъ произносится *l'* въ другихъ.

По говорамъ при образованіи такого происхожденія *l* языковое тѣло нѣсколько отодвинулось взадъ: *l* приблизилось къ *ł*. Подробнѣе о плавномъ *l* въ говорахъ Македоніи говорится въ моихъ Очеркахъ I, 151—157, 56—58.

2. *d͡z* Въ отношеніи аффрикаты *d͡z* говоры Македоніи представляютъ слѣдующее. Въ однихъ изъ нихъ до сихъ поръ сохраняется старая аффриката *d͡z* и, кромѣ того, въ отдѣльныхъ сочетаніяхъ появилось еще новаго происхожденія *d͡z* вм. *z* Таковы, напр., говоры Охридскаго края. Въ другихъ *d͡z* во многихъ сочетаніяхъ утрачено: произошла утрата затвора: *d͡z* ⟩ *z* (noze-nozi). Таковы говоры въ восточной и сѣверной Македоніи. Въ третьихъ находится *d͡z* только новаго происхожденія, вм. *z*, въ нѣкоторыхъ словахъ. Если въ послѣднихъ говорахъ имѣется dzvezda, то здѣсь *d͡z* неисконно, а новаго происхожденія, вм. *z* начальнаго слога. Такъ по говорамъ на сѣверѣ и востокѣ Македоніи. Говоры описываемой А. Мазономъ области относятся къ такимъ, въ которыхъ въ рядѣ сочетаній сохранилось старое *d͡z*, въ другихъ *d͡z* ⟩ *z* (28). На юго-востокѣ находятся такіе говоры, въ которыхъ при значительной (?) утратѣ старыхъ *d͡z* появилось *d͡z* вм. *z* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ (Мокрени). Еще значительнѣе утрата *d͡z* въ юго-западномъ пунктѣ, въ с. Смрдешъ: nózi, zvézdi. Туть даже zvónec, — съ *z*-; въ другихъ же говорахъ Македоніи обычно это сочетаніе имѣетъ вторичное *dz*: dzvón-o

3. „Métathèse de *j(i)*“. Такъ названа VII-я глава отдѣла о согласныхъ звукахъ (29). „Le tendance à la métathèse de *j*, *i* ou d'une mouillure de fin de mot est commune à tous les parlers étudiés: le *i(i)* ou la mouillure sont reportés à l'intérieur du mot“. Сообщены такіе примѣры: kúik'a – kúika, skóile, koin, báina, gróize, sunváine.

Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и произошла метатеза. Напр., въ сочетаніи grózje grói̯ze. Я указываю именно на этотъ примѣръ, съ -źje, потому что grói̯ze, lói̯ze находится и въ такихъ македонскихъ говорахъ, которые не представляютъ i̯ передъ мягкимъ согласнымъ. Таковы говоры на западѣ и сѣверѣ Македоніи: въ Дебрскомъ краѣ, въ Криво-Рѣчной Паланкѣ, въ Кратовѣ. Въ говорахъ названныхъ областей, знающихъ -i̯ze находится -n'e (не -i̯ne!): imán'e. Но вѣроятнѣе будетъ представлять процессъ для сочетанія -z'je (z'i̯e) иначе. j или i̯ за z' не утрачивался, т. е. не ассимилировался съ z' и не испыталъ метатезы. Вслѣдствіе ассимиляціоннаго процесса, передъ -z'j (z'i̯) появился i̯ послѣ гласнаго Такая стадія представлена въ говорахъ Дебра на западѣ, Штипа на сѣверовостокѣ: lói̯zi̯e — ló'z'e. Позднѣе произошла во многихъ говорахъ утрата i̯ послѣ палатальнаго звука Появленіе i̯ передъ другими мягкими согласными (n', k', g') обязано тому же процессу ассимиляціи съ мягкими (n', k', g'): происходила антиципація въ укладѣ языка для производства „мягкости" согласнаго, т. е. его подъемъ къ твердому небу. Итакъ: bán'a bái̯n'a, kon' koi̯n', imán'e > imái̯n'e. Параллельное явленіе представляютъ и другіе славянскіе говоры: русскіе (сѣверно-великорусскіе и малорусскіе), польскіе, лужицкіе, восточнословацкіе, словинскіе.

Въ опредѣленіи условій появленія этого i̯ необходимо указать, что не передъ всякимъ мягкимъ согласнымъ развивался послѣ гласнаго i̯: klaśje, oružje и въ данныхъ (леринско-костурскихъ) говорахъ и въ прочихъ македонскихъ не имѣютъ i̯ передъ ś, ź Чаще всего появлялся i̯ передъ n'. И въ другихъ славянскихъ языковыхъ группахъ, пережившихъ процессъ антиципаціи въ артикуляціи передней части языка, представлено i̯ именно передъ ń (n). Рѣже по славянщинѣ появлялся i̯ передъ другими мягкими согласными, напр. передъ ś (въ восточно-словацкихъ говорахъ: koi̯s „кость", nêi̯s „несть"). Появленію i̯ передъ n' благопріятствовала физіологическая близость n' къ j (сравните, напр., албанскій процессъ n' j kron' им. мн. > kroj и др.). Въ македонскихъ говорахъ i̯ находится передъ n', k', g', z'. Не во всѣхъ говорахъ, знающихъ i̯ указаннаго происхожденія, развился i̯ передъ каждымъ изъ этихъ согласныхъ. Нерѣдко приходится наблюдать, что i̯ или ! не употребляется послѣдовательно передъ однимъ и тѣмъ же согласнымъ. Иногда наличность i или его отсутствіе связано съ возрастной дифференціацей общественной группы: въ рѣчи пожилыхъ напр., — kúk'a, а молодежь говоритъ kúi̯k'a — kúi̯ka (наблюденіе А. Мазона). Благопріятствовало иногда появленію i̯ передъ мягкимъ согласнымъ такое фонетическое условіе: открытость слога. Въ открытомъ слогѣ i̯ передъ мягкимъ согласнымъ распространено по македонскимъ говорамъ шире, чѣмъ въ закрытомъ слогѣ. Напр., въ солунскихъ говорахъ kon', но bai̯n'a. Съ другой стороны, на сѣверѣ, въ Кумановѣ, kon', но koi̯n'a. То же отражается и въ текстахъ А. Мазона: kon', но kói̯no, kói̯nite (с. Екшису; 126). То же явленіе, вѣроятно, представляетъ и говоръ с. Арменско: kon' (126). По говорамъ появленіе i̯ обусловлено было, кромѣ указаннихъ обстоятельствъ (мягкость согл., открытость слога), еще слѣдующимъ: i̯ развивался въ открытомъ слогѣ передъ мягкимъ согласнымъ

тогда, когда за мягкимъ согласнымъ находился гласный широкаго образованія, *а*. Такъ въ Радовиштѣ: јаден'е, трн'е, кон'у, кон'о; нокучиіната, пеіна.

Дальнѣйшій процессъ состоялъ въ диспалатализаціи образованій, находившихся послѣ *і*: *ін'* > *ін*, *ік'* > *ік*, *іg'* > *іg*, *із'* или *із'і* > *із*. Въ частности отвердѣніе *н'* происходило по говорамъ или въ опредѣленныхъ условіяхъ (въ закрытомъ слогѣ, напр. въ Прилѣпѣ), или во всѣхъ положеніяхъ: koin, koino[t], baina. Процессъ диспалатализаціи образованій за *і* пережитъ и въ другихъ (не во всѣхъ) славянскихъ группахъ.

і передъ *н'* (*п*) отмѣчено почти во всѣхъ областяхъ Македоніи, за исключеніемъ окраинныхъ областей на западѣ (Дебръ, Кичево), на сѣверѣ (Дольній Пологъ, Скопье, Кратово) и нѣкоторыхъ мѣстностей на востокѣ.

Еще въ одной категоріи сочетаній появлялся мягкій, палатальный *н'*: въ неударенномъ суффиксальномъ сочетаніи *-н-іса*: -ніса > -ніса > -ін'са > -інса. Такъ въ западныхъ и срединныхъ македонскихъ говорахъ, имѣющихъ ударѐніе на 3-мъ слогѣ отъ конца слова: vodéinca, páinca... (Охридъ, Струга, Рѣсенъ, Битоля, Кичево, отчасти Дебръ). Замѣчаніе о стадіи съ долгимъ слоговымъ *н̄'*: кромѣ теоретическаго представленія о необходимости такой стадіи съ точки зрѣнія физіологіи процесса можно указать, какъ на параллель, на соотвѣтствующую стадію въ одномъ изъ сѣверновеликорусскихъ говоровъ, въ Тотемскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи: р'іе̄н'с а [1].

Во всѣхъ македонскихъ говорахъ имѣются и сочетанія *ік'* *ік* < *к'* послѣ гласнаго. Но употребленіе ихъ не проведено послѣдовательно. Процессъ развитія *і* передъ *к'* (*g'*) не далъ пока опредѣленныхъ результатовъ во всѣхъ тожественныхъ случаяхъ. Въ одномъ и томъ же говорѣ можно наблюдать kúik'a и kúk'a или braik'a и brák'a.

Что касается *і* передъ *з'* — *з*, то область распространенія *із* не совпадаетъ съ областью, представляющей *і* передъ *н'* (*п*), *к'* (*g*): во многихъ говорахъ на югѣ и въ центрѣ Македоніи находится *-зје*. Сочетанія съ *-із̀е* употребляются преимущественно на западѣ и сѣверѣ. Въ пунктахъ, описанныхъ А. Мазономъ, указано только *-із̀е*: gróize. Но мы не увѣрены въ томъ, что тамъ послѣдовательно проведены эти сочетанія со вторичнымъ *і* передъ *з*

Многіе македонскіе говоры представляютъ утрату звонкихъ согласныхъ между гласными звуками, въ заударномъ слогѣ. Къ такимъ говорамъ принадлежатъ и говоры Леринскаго района, описанные А. Мазономъ. Утрата отражается въ указанномъ положеніи на согласныхъ *д*, *g*, *ż*: da vîme (вм. da vídime), kóa (вм. koga), móiš (вм. možiš).

Широко проведена и утрата *ц* — *п*. Такъ и въ другихъ македонскихъ говорахъ.

Ударѐніе (акцентъ). Акцентъ въ говорахъ описываемаго района опредѣленъ А. Мазономъ такъ. „L'accent du macédonien sud-occidental

---

[1] О. Брокъ, Описаніе одного говора изъ юго-зап. части Тотемскаго уѣзда (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. И. Ак. Н., т 83), стр. 112.

est un accent d'intensité de faible force. Il ne détermine pas les modifications de voyelles qu'entraîne un accent vigoureux, comme par exemple l'accent russe" (34). Мѣсто акцента — на предпослѣднемъ слогѣ. Но нерѣдки формы съ акцентомъ на 3-мъ слогѣ. При дальнѣйшемъ изученіи данныя, сообщенныя А. Мазономъ, будутъ освѣщены сравнительно съ данными другихъ македонскихъ говоровъ. Акцентъ македонскихъ говоровъ спеціально изслѣдуется г. Милошемъ Ивковичемъ въ его работѣ: „Акценатски системи српско-мак. говора" („Јужнослов филолог", II, св. 3—4).

Слѣдующая часть „этюда" посвящена морфологіи. Здѣсь съ достаточной полнотой охарактеризованы формы именныя, мѣстоименныя и глагольныя въ говорахъ Леринскаго и Костурскаго районовъ. Отмѣтимъ немногое. Въ именныхъ формахъ слѣдуетъ указать формы винит. ед. муж. на *-a*: brata, svata...

Формы мѣстоименій. Не видно основаній для слитной передачи мѣстоименныхъ формъ méneme, tebete вм. méne me, tébe te. Сравните тѣ конструкціи, когда мѣстоименныя формы находятся послѣ глагола. Такъ бываетъ при повелительномъ накл.: bij me menel Вѣдь такъ и въ Леринско-Костурской области? Ср. также и такую, къ примѣру, конструкцію: toi me zabiie [i] méne.

Затѣмъ, почему неуказана „полная" форма мѣстоименія 1. и 2 л. для дат. ед. и мн.?

Въ качествѣ „краткой" (энклит.) формы личнаго мѣстоименія употребляется въ винит. множ. *ne* (1 л.), *ve* (2 л.). Такъ и въ другихъ говорахъ Македоніи. Гласный *e* появлялся здѣсь по аналогіи съ формой мѣстоим. винит. единств. (а не по аналогіи съ существ.). На это ясно указываютъ говоры областей Водена и Кукуша. Тамъ „краткія" формы личныхъ мѣстоименій имѣютъ въ винит. ед. такой видъ: *mъ, tъ, sъ* — фонетическіе замѣнители прежнихъ *mę, tę, sę* (Такъ и по говорамъ Болгаріи). Тѣ же гласные находятся въ формахъ винит. для личныхъ мѣстоименій и во множ.: nas — nъ, vas — vъ.

Въ качествѣ характерной черты для говора с. Жервени А. Мазонъ отмѣтилъ винит. ед. жен. р. *e* (въ другихъ описываемыхъ пунктахъ — *a*). *e* или *ie* были отмѣчены мною и для другихъ говоровъ въ областяхъ Костура, Лерина, Битоли, Маріова (Очерки, I, 196).

Въ юго-восточномъ пунктѣ, въ с. Мокрени, А. Мазонъ встрѣтилъ форму винит. ед. *sa* Это *sa* появилось вм. болѣе раняго *sъ*, замѣнителя *sę* Мокрени, повидимому, одинъ изъ послѣднихъ окраинныхъ пунктовъ на югѣ, гдѣ представлены, хотя и не въ полномъ составѣ, замѣны среднеболгарскихъ мѫ, тѫ, сѫ. Далѣе къ сѣверовостоку отъ Мокрени, въ Воденскомъ и Кукушскомъ краяхъ, находится не только *sъ*, но и *mъ, tъ* (ъ вм. ѫ, ѧ).

Въ Костурско-Леринскихъ говорахъ *mu* — единственная энклитика для дат ед. и множ. Такъ въ пунктахъ, описанныхъ А. Мазономъ, и въ другихъ частяхъ Костурско-Леринской области и въ говорахъ сосѣднихъ областей на сѣверѣ: въ Битольской, Прилѣпской, Мегленской и Воденской. Напр.: ótišla pri máika si i *mu* rékla...; da mu prečit na ženite (Битоля) и т. под.

Для говоровъ Леринскаго района А. Мазонъ указалъ такую передачу мѣстоименія „весь, всѐ, вся, всѣ“: sъt, sъ́to, sъ́ta; мн. sъ́ti. Утрата *u̯* передъ *s, z* — общее явленіе въ говорахъ Македоніи. Согласный же *-t* — это элементъ указательнаго мѣстоименія *tъ* „La présence de cet élément démonstratif n'empêche pas la postposition de l'article“. Не мѣшаетъ потому, что *t* въ этихъ сочетаніяхъ уже не чувствуется говорящими въ качествѣ элемента указательнаго мѣстоименія, а воспринимается какъ звуковая часть въ передачѣ мѣстоименія „весь“... Если же нужно выразить опредѣленное значеніе, свойственное вообще членной формѣ, то за sъt... употребляются обычныя формальныя принадлежности членной формы: toi̯ znáe *sъ́t* tóia̯ memlekét, но caro sobral *sъ́to* (чл. форма) narot (Очерки, I, 208).

Въ отдѣлѣ „Numeralia“ А. Мазонъ отмѣтилъ въ значеніи „1“ éden или jéden, — съ суф. *-en* вм. **-bn* Такъ и въ другихъ говорахъ Македоніи. Но въ восточной части ея, въ Воденской области и далѣе за Вардаръ, — въ Кукушской, Струмичской, Солунской, находятся формы съ давнимъ *-in*, какъ и въ говорахъ юго-западной и восточной Болгаріи: edin — jedin, adín И въ описываемой А. Мазономъ области, на востокѣ ея, при формѣ éden употребляется и édin Такъ въ записи изъ с. Екшису (126).

На стр. 42—53 представленъ полный обзоръ глагольныхъ формъ въ изучаемыхъ пунктахъ. По поводу этихъ формъ сдѣлаемъ одно только замѣчаніе-дополненіе. Форма 3. ед. не имѣетъ въ концѣ *-t*, какъ и во многихъ другихъ македонскихъ говорахъ, центральныхъ, восточныхъ и сѣверныхъ. На западѣ и въ сосѣднихъ частяхъ центральной Македоніи эта форма оканчивается на глас. + *t*: nesit или neset, mijet, utepat... (области Рѣсена, Охрида, Битоли, Прилѣпа, Маріова, Дебра, Крушова, Кичева, Порѣчья, Горняго Полога). Въ восточныхъ частяхъ этихъ говоровъ на-ряду съ формами на *-t* употребляются и формы безъ *-t* (въ Битольской, Прилѣпской, Маріовской областяхъ). Обращаемъ вниманіе на замѣчательный языковый фактъ. Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ форма наст. вр. 3. ед. имѣетъ *-t*, тамъ и членная форма въ муж. р. ед. ч. оканчивается на *-[o]t*, а въ говорахъ, не имѣющихъ въ формѣ наст. 3 ед. *-t*, членная форма муж. ед. тоже безъ *-t*: 1) nesit (neset), tepat volot, gradot; 2) nesi (nese), tepa· volo, grado

Послѣднія двѣ главы касаются нѣкоторыхъ явленій синтаксиса и словарнаго состава костурско-леринскихъ говоровъ. Изъ последней главы отмѣчу слѣдующее: pée, péi „il lit“, „il chante“. Тѣ же значенія имѣетъ этотъ глаголъ и въ болгарскихъ и въ сербскихъ говорахъ На стр. 67, въ примѣч. 2-мъ, дано культурно-историческое объясненіе происхожденія значенія „читать“ — „пѣть“. Кромѣ того, тамъ указано, что тѣ же значенія глагола „пѣть“ представляютъ и другіе балканскіе языки. Это одинъ изъ балканизмовъ культурной и языковой жизни населенія Балканскаго полуострова. „Un pareil dévoloppement de sens „chanter, déclamer, lire“ se constate dans l'albanais *kœndoñ* „chanter, lire, réciter les prières“, dans le turc *čagyrmaq* „chanter, crier, lire“ et dans le grec *τραγῳδῶ* „je chante, je déclame, je lis à haute voix“. Дополнимъ указаніемъ и на параллельное явленіе въ аромунскомъ: kụntu „пою, кричу (о пѣтухѣ), читаю“.

Съ своей стороны отмѣтимъ давній глаголъ съ корневымъ grędgred-, держащійся до сихъ поръ въ Леринско-Костурской области. Слѣдовало бы этотъ глаголъ внести по крайней мѣрѣ въ словоуказатель; срав. gréde si éden čóvek (запись изъ Арменска; 120). Еще примѣръ: „Кóа дóшло врéме за мъжéіне, зéле да грéдат строіници на бáбата“ и др. (запис. отъ Ст. Забърдеца, Сборн. за народ. умотв. IV). „Дадóте бéла Яна, бéла Яна на далéко, ка не грéди клéта чýма (с. Загоричани въ костур. краѣ, „Книжици за прочитъ“, I, 32).

Еще любопытна передача предлога „къ“ *камо*: дóшъл камо нéго (костурское село Бобища, „Книжнци за прочитъ“, II, 50).

Очень полезные (хотя и не полные) указатели иноязычныхъ словъ, преимущественно греческихъ и турецкихъ, находятся въ отдѣлѣ „Vocabulaire“ (57—59) и въ примѣчаніяхъ къ тексту сказокъ.

Въ записяхъ я отмѣтилъ лишь незначительныя неточности: go i séče вм. go iséče (74); četíridese mína (78), dvanáise mína (96, 112) и др. mina незачѣмъ отдѣлять отъ основы числительнаго; v ístina вм. vístina (102) и кое-что другое.

Заканчивая обозрѣніе македонскаго сборника А. Мазона, мы еще разъ подчеркиваемъ высокую цѣнность этого изданія для балканской филологіи, въ частности для изученія языка славянъ южной Македоніи. На основаніи данныхъ, находящихся въ этомъ сборникѣ, мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о говорахъ ряда пунктовъ Леринско-Костурской области. Значеніе труда А. Мазона тѣмъ болѣе цѣнно, что Македонія въ діалектологическомъ отношеніи до сихъ поръ не обслѣдована надлежащимъ образомъ. Результаты трудовъ сербскихъ діалектологовъ, подъ общимъ руководствомъ А. И. Белича приступившихъ къ систематическому изученію Македоніи въ 1914 г., не опубликованы еще. Воздавъ должное труду г. А. Мазона, мы выражаемъ горячее пожеланіе скорѣйшаго появленія труда его коллеги, г. A Vaillant, — труда по изученію говора Дойранскаго района.

Въ заключеніе прилагаемъ хорошую запись изъ Костурской области: „Нарѣждане на една майка“, — запись, помѣщенную въ малодоступномъ константинопольскомъ изданіи „Новини“, I, 1891 г., 11 апрѣля. Запись снабжена примѣчаніями, которыя мы также воспроизводимъ, не измѣняя ихъ.

Нарѣждание на една майка.

На Костурско нарѣчие.

Елте братя, елте[1] сестри, барте[1] жени и невести, да ме вите[2] изгорена, отъ църна змия изедена, жива ошъ не закопана, на вър[3] земата чкрумосана[4]. Чуйте, големо и мало, шчо писмо ми се писало: да го вида я умрено мойто Петре издължено — со очите затворени, ржци, нодзи испушчени; истърнато кай дъмбица[5], безъ душа й без устица. Зашчо, Петре, зашчо, синко! да оставиш църна майка да орипни отъ викайне,

---

[1] Дойдѣте. [2] Видите. [3] Върху. [4] Изгорено до почернуване [5] Джбъ (остатъкъ отъ старо-бълг., гдѣто ж- ъм)

да ослепи от плакайне? Не стигаше, Петре чендо[6], шчо те расти от малендо[7]) парталаво раскинато и от свите потурнато? тога баре младос име: клети очи ми пулеа[8], нодзи, рѫци здрави беа[9], ами сега яска гора, ка[10] ке чина, ка ке стора, ка не глендам твойте деца, ка ке пера, ка ке меса; ка ке можа да и пуля без гашчички, без кошуля, раскапани, парталави да се ските гологлави по планинята офчара, по лендини[12] гове[н]дари *)[11]? Ка кайдиса, Петре младо! да оставиш клета жена век векови отруена? млада, млада като роса да се скита гола боса, чужи фурки да запрендва[11], тебе, синко, да нарендва[11]. И по полйе ко да сади, кога копа, кога вади, со плакови да се смраква[13], дърво й камен да расплаква? и на кѫшча ко[14] ке биди, клети сираци да види; ко ке найди твоя плячка[15] — иль гурдия[16], иль расачка[16], ко ке ткае, ко ке влачи, тебе, синко, вес да плачи? келко[17] реко· сполай Богу, се измѫчи яска [8] многу, елял мѫките на младос, ке помина бър на старос. Ами пусто, аро[19], Петре! зад вратата е стоело: ето, чендо, то те звело, да те клади църна зема, да те стори да те нема. Не чинеше[20], Боже злати! син ми така да не пати[21]; яска курбан да се стора, да не беше ва[22] изгора? мольба, синко, ти се моля, со све мѫки и неволя, ти се моля, Петре море, да прикажиш тамо горе, и на тети, и на стрини, и на свичките роднини, зашчо ме заборавие, тук(а) да търгам м'оставие? да се молиш, Петре, добро! и пред Ристос, и пред Госпо, пред Пречиста Богордица, и пред свичките свентии · стига веке, дойде време, нека пушче да ме земе, от пусти мѫки да откина, тамо горе да почина.

Москва, 15 января 1924. *А. Селищевъ.*

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[6] Чедо (сѫщо остатъкъ отъ староблг, дѣто *я* (ѧ) = *ен*). [7] Мъничко [8] Пулѣхѫ (виждахѫ). [9] ѣхѫ [10] какъ [11] Тоже остатъкъ от старо-бъл дѣто ѧ = *ен*. [12] Мѣста за пасене [13] Да се стъмнува. [14] Когато [15] Дрѣха. [16] Названия на дрѣхи. [17] по нѣкѫдѣ и кеку = колко. [18] Навѣрно вмѣсто харон (гърцко митич божество, което принасяше съ лодка мъртвитѣ) [20] Не бѣше ли възможно. [21] Пострада. [22] Вая — тази.

*) Пропущено *н* после *гове-*. Но на то, что *н* должно быть, указываетъ примѣчаніе.

SPISY REDAKCI ZASLANÉ:

Eduard Sievers, Die altslawischen Verstexte von Kiew und Freising. Im Verein mit Georg Gerullis und Max Vasmer. Leipzig 1925.
K. Nitsch, Dzisiejszy system głosowy (Głosownia jęz. polsk., II.). Kraków 1925.
Вол. Пархоменко, Початок історично-державного життя на Україні. 1925.
Blahoslavův sborník (1523—1923). V Přerově 1923.
Josip Mal, Zgodovina umetnosti pri Slovencih, Hrvatih in Srbih. V Ljubljani 1924.
Rendiconti della R. Accademia nazionale dei Lincei. Serie quinta. Vol. 33, fasc. 7—12. Serie sesta. Vol. I., fasc. 1—4. Roma 1924—1925.
Georg Droescher, Gustav Freytag in seinen Lustspielen (Inaug.-Dissert.). Berlin 1919.
Meta Corssen, Kleists und Shakespeares dramatische Sprache (Inaugural-Dissert.). Berlin 1919.
Silva rerum 1925, 4, 5.
Ст. Смаль-Стоцький, Розвиток поглядів про семю словянських мов і їх взаїмне споріднення. У Львові 1925.
Ст. Смаль-Стоцький, Ритмика Шевченкової поезії. Прага 1925.
Mémoires de la Société néo-philologique de Helsingfors VII. Helsinki 1924.
Jos. Skrbinšek, Simon Gregorčič »Výbor básní« (Slovanská knihovna, 4). V Praze 1925.
Karel Paul, Dvě povídky L. K. Lazareviče (Slovanská knihovna, 5) V Praze 1925.
В. Жирмунский, Введение в метрику (Вопросы поэтики, VI). Ленинград 1925.
В. Жирмунский, Рифма, ее история и теория (Вопросы поэтики, III). Петербург 1923.
В Жирмунский, Байрон и Пушкин. Ленинград 1924.
Fürst Schtscherbatow, Über die Sittenverderbnis in Russland. Berlin (Newa-Verlag) 1925.
Звідомлення Української Академії Наук у Київі за 1924 рік. У Київі 1925.
Збірник історично-філологічного відділу Української Академії Наук. № 6 (А. Крим-ський, Перський театр. У Київі 1925).
Nové Rusko I, 5—6, 7—8. Praha 1925.
Aurelio Palmieri, L'opera colturale dell' Istituto per l'Europa Orientale. Roma 1925.
Konst Wojciechowski, Werter w Polsce. Lwów-Warszawa-Kraków (Ossolineum) 1925.
St. Skwarczyńska, Ewolucja obrazów u Słowackiego. Lwów-Warszawa-Kraków (Badania literackie I) 1925
Zeitschrift für slavische Philologie I, 3—4. Leipzig 1925.
Mieczysław Orłowicz, Ilustrowany przewodnik po Lwowie. Wyd drugie Lwów-Warszawa 1925
Rejstřík k VIII. ročníku Naší řeči. Sestavil V. Ertl. V Praze 1924
Helena Grotowska, O poznawaniu kraju. Lwów-Warszawa 1925.
St. Pawłowski i M. Janelli, Polska współczesna. Lwów-Warszawa 1925.
Bernard Chrzanowski, Z ojczyzny. Lwów-Warszawa 1925.
Antoni Danysz, O wychowaniu. Wyd. 2. Lwów-Warszawa 1925
Feliks Kierski, Podręczna encyklopedja pedagogiczna. Tom II. N—Ż. Lwów-Warszawa 1925
Lubor Niederle, Slovanské starožitnosti. Oddíl kulturní. Dílu III sv. 2. V Praze 1925
Albert Pražák, Československý národ (Sbírka přednášek a rozprav extense university Komenského v Bratislavě, 10). V Bratislavě 1925
Friedrich Lorentz, Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache (Grundriß der slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Herausgegeben von R. Trautmann und M. Vasmer). Berlin und Leipzig 1925.
T. G. Masaryk, Světová revoluce za války a ve válce 1914—1918 Praha 1925
Revue des études hongroises et finno-ougriennes II, 4, Octobre-Décembre 1924.
Tauta ir žodis III. kn. Kaunas 1925.
Naše řeč IX, 7. 8. V Praze 1925.
Sborník filosofické fakulty university Komenského v Bratislavě III, 27—35 (1—9). V Bratislavě 1924—1925.
Славянски гласъ XIX, 2. София 1925
Стара Україна 1925, VII—X.
Josef Macůrek, Prameny k dějinám československým v archivech a knihovnách sedmihradských Zvl. otisk z VSN Tř. I 1924.
Кр. Миятев, Декоративната живопись на Софийския некрополъ (Издания на Народния музей въ София). София 1925.

Výměnou došlo:

Archives suisses des Traditions populaires XXVI, 2 — Bogoslovni Vestnik V, 3—4. — Casopis katol. duchovenstva 66, 7—8. — Casopis Musea král. českého 99, 2—3. — Český lid 25, 9—10. — Dom in svet 38, 5. — L'Europa Orientale V, 6—8. — Известия на бѣлгарския археологически Институт III. — Język Polski X, 5. — Kwartalnik Historyczny XXXIX, 2. — Ljubljanski Zvon 45, 6—9. — Nastavni Vjesnik XXXIII, 7—10. — Neuphilologische Mitteilungen XXVI, 5—7 — Prúdy IX, 6, 7. — Przegląd Warszawski, rok 5. 45, 46 — Przewodnik Bibljograficzny, serja II, tom VI, 7, 8. — Rocznik Podhalański I, 1914—1921. — Русская школа за рубежом 1925, 13—14. — Sborník Matice Slovenskej III, 1—2. — Slavia occidentalis I—IV. — Slovanský přehled XVII, 4. — Slovenské Pohľady 41, 6—8, 9. — Věstník Československ. pedagogického ústavu J. A. Komenského III, 7—8. — Věstník československ profesorů 33, 1.

TABLE DES MATIÈRES.

Articles: Pages

N. van Wijk: De l'origine du mot slave-commun *kъmetь* . . . . . 209—212
Witold Taszycki: Le suffixe *-isko, -išče* dans les langues slaves occidentales 213—227
Pr. N. S. Trubeckoj: Des reflets de l'o slave-commun dans la langue polabe 228—237
G. Čremošnik: Les abréviations des »Nomina sacra« dans les monuments vieux-slaves (A suivre) . . . . . 238—264
Karel Paul: Vuk Stef. Karadžić et les Polonais . . . . . 265—278
E. V. Aničkov: Remarques sur les manuscripts et l'œuvre de Lermontov . 279—293
V. Tille: Les contes réunis par Kubín . . . . . 294—313
G. Ilinskij: Qui étaient les *Ἀνεξάνιοι* de Constantin Porphyrogénète? . . . 314—319
Iv. D. Šišmanov: M. P. Dragomaniv et l'idée de la »fraternité slave« . . . 320—321
M. Dragomanov: A l'occasion de la fête scolaire du 11 mai . . . . . 321—324

Critiques et comptes-rendus:

Des rapports linguistiques slavo-roumains. III. Prof. B. Conev: Rapports linguistiques entre la Bulgarie et la Roumanie (P. Skok) . . . . . 325—346
Max Vasmer: Ein russisch-byzantinisches Gesprächsbuch (Nicolas Durnovo) 347—349
Nouveau recueil dialectologique et folkloriste de la Macédoine (A. Seliščev) . . 350—364
Miloš Weingart: Les chroniques byzantines dans la littérature du vieux slave II, 1. (V. Rozov) . . . . . 364—370
Histoire de la littérature polonaise (Revue des editions et des études critiques) 2e série: 1922—1924. 1ère partie. (Ign. Chrzanowski) . . . . . 370—382
Vlad. A. Parchomenko: Des origines de l'État russe (L. Niederle) . . . . . 382—383
P. V. Bezobrazov: Essais sur la civilisation byzantine (J. Ivanov) . . . . . 383—386

Discussion:

G. Ilinskij: Des doublets slave-commun du type de *jelenь olenь* . . . . . 387—394

Nécrologie:

† Prof. Al-dre Iv. Jacimirskij (N. Durnovo) . . . . . 395—396

Notes et informations:

Revue bibliographique des travaux concernant A. N. Ostrovskij parus de 1914 à 1925 (P. Bogatyrev) . . . . . 397—414
Slovanský Přehled 1914—1924 (jpa) 414
Volkskundliche Bibliographie für das Jahr 1920 (jpa) . . . . . 414—416
Chansons populaires istriennes (jpa) 416
Boris Sokolov (jpa) 416
Ernest Kraus: Le hussitisme dans la littérature, en particulier dans la littérature allemande (A. N.) . . . . . 416—417
Editions critiques des écrivains tchéques modernes (A. N.) . . . . . 417—418
Oskar Donath, Les juifs et le judaïsme dans la littérature tchèque du XIXe siècle (A. N.) . . . . . 418—419
L'enseignement et les écoles en Bulgarie du 1878—1913 (Jos. Páta) 419
Ce qui dans le recueil de Lozanić a trait à la philologie (B. Havránek) . . 419—420
Aperçu de littérature serbe de Popović (B. Hk.) 420
L'étude de Radojčić sur Jos. Constantin Jireček (B. Havránek) . . . . . 420—421
La traduction serbe des travaux de Jireček par Jovan Radonić (B. Hk.) . . . . 421—422
Albert Pražák: Les partisans de Hurban en prison (J. Mk.) 422

Revue des périodiques:

Izvěstija de la section pour la langue et la littérature russe de l'Académie des sciences. T. XX, 3—4, XXI, 1—2 1915—1916 . . . . . 423—430
Sborník Matice Slovenskej II. 1924 . . . . . 431—432

„SLAVIA"

paraît régulièrement quatre fois par an, l'année (à partir de la IVe) comprend **55 feuilles in-8o.**

Le prix de l'abonnement pour une année est: Kč **100**·—, port compris.

Les **manuscrits** ayant trait à la linguistique doivent être adressés au prof. **O. Hujer** (Prague-Kr. Vinohrady, Lužická 21), les autres, au prof. **M. Murko** (Prague-Bubeneč 531 ou Prague-V, Břehová 5). Les collaborateurs sont priés d'écrire lisiblement (si possible, à la machine) et sur une seule page.

Les abonnements, commandes et réclamations sont reçus à la **Česká grafická Unie, s. a., Prague II,** Svobodova 1961. Chèque postal: Compte 49.877.

Les **ouvrages et périodiques** adressés pour compte rendu ou échange doivent être envoyés à la **Rédaction de la revue „Slavia", Prague-V, Břehová 5**